

Флер сглотнула, ее горло пересохло от страха. Наконец, она заставила себя признаться в своих опасениях. — Папа, — прошептала она, голос дрожал от волнения, — ты... ты знаешь, что происходит, когда... когда веэла имеет долг жизни? Отец резко вдохнул, его рука застыла в воздухе. Флер не осмеливалась открыть глаза, чтобы не увидеть ужас, отразившийся в них. Его реакция говорила о том, что он знает, а она не хотела видеть это. — Кто-то спас тебе жизнь, Флер? — осторожно спросил он. Флер кивнула, сдерживая всхлип. Теперь все было открыто, слишком поздно останавливаться, и она была в ужасе! — Гринидлоу чуть не убили меня, — призналась она, слезы катились по щекам. — Арри, он... он спас меня, папа, и... и из-за этого он пострадал. Его время закончилось раньше, потому что он спас меня! Ее голос дрогнул, чувства бились в груди, и все тело вибрировало от накатывающей волны эмоций. С момента происшествия прошло слишком мало времени, чтобы она могла хоть как-то смириться с произошедшим. Она даже не знала, как это сделать! Ее жизнь навсегда изменилась, и она ничего не могла с этим поделать. А что будет с Гарри, когда он узнает? Посчитает ли он ее достойной спасения во второй раз, особенно такой дорогой ценой? Пока мысли вихрем проносились в голове, она смутно заметила, как Габриэль отгаскивают от нее. Еще один всхлип вырвался из груди — боль потери сестры, казавшейся единственным якорем в этой буре. Но мгновение спустя, когда вес Габби исчез, она почувствовала, как отец обнимает ее. Он притянул ее к себе, крепко сжимая в объятиях. Для нее это было слишком — она этого не заслуживала — и она окончательно потеряла контроль над собой. Ее рыдания эхом отдавались в палате. Он успокаивающе шептал ей что-то, но она была слишком расстроена, чтобы слышать его слова. Зачем она это сделала? Почему проигнорировала родителей и попала в такую беду? Она не знала, как долго он держал ее, но вскоре ее рыдания стихли, и он осторожно отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза. Она была поражена, увидев в них только заботу; там не было ни гнева, ни стыда, только любовь, которую он всегда дарил своим дочерям, независимо от того, нуждались они в ней или нет. И впервые за много часов в ее душе зародилась крошечная надежда. — Мы справимся с этим, детка, — успокаивал он. — Я обещаю, мы справимся. А теперь, почему бы тебе не рассказать мне, что случилось? И она рассказала. Она рассказала о своей панике, когда обнаружила, что Габриэль пропала, и о том, как в ужасной песне говорилось, что если ее не найти, то она никогда не вернется. Она рассказала, как потерялась в озере, совершенно не умея ориентироваться, ее чувства и магия были нарушены недружелюбной чужой средой. И она рассказала о том, как эти ужасные Гринидлоу почувствовали ее присутствие и набросились на нее, как стая разъяренных гиппогрифов. — Я думала, что умру, папа, — прошептала она. — Я знала, что умру! И следующее, что я помню, они начали отпускать меня. Последнее, что я помню, — это как Арри бросает в них заклинания, словно дикий человек. Я не могла набрать воздуха, и... Она снова задохнулась, и отец снова обнял ее. Не было никаких сомнений в том, что долг был реальным: если бы она потеряла сознание без присмотра, то не только ее чары в конце концов не сработали бы и она утонула, но и эти адские твари в конце концов нашли бы ее и все равно убили! Она почувствовала кратковременный прилив гнева на небрежность организаторов Турнира, но он быстро исчез, погребенный под ее горем. — Давайте убедимся, — предложил ее отец, доставая палочку из кармана своей элегантной мантии. — "Afficher toutes les dettes!". Из кончика его палочки вырвался бледный луч белого света и ударил ей в грудь, прямо над больным сердцем. Она не удивилась, когда сияние распространилось, стало тускло-золотистым, охватив все ее тело, а затем превратилось в самое глубокое золотое сияние, которое она когда-либо видела. Она знала, что это значит, и это несколько не успокоило ее. Она была права! Он тяжело вздохнул и вернулся на свое место, его лицо было осунувшимся, глаза опущены, пока он размышлял над этим. В его лице ощущалась грусть, от которой ее сердце болело еще сильнее. Он собирался потерять свою дочь, и он знал это, но ничего нельзя было поделать. Она хотела вернуть все назад, сказать ему, что все это была ошибка! — Расскажи мне об Арри, — мягко сказал он. — Что ты о нем знаешь? Флер подтянула ноги под себя и откинулась в мягкое кресло, понимая, что теперь они перешли к серьезному делу. Она

обхватила себя руками, чтобы уберечься от неестественного холода, и изо всех сил старалась привести в порядок свои мысли. Что она действительно знала о нем? — Он... отличается от других, — медленно сказала она. — Впервые я увидела его, когда он пришел сказать нам, что его выбрали в чемпионы. Он отрицал свою причастность, но никто ему не поверил. — Ее губы слегка искривились в язвительном веселье, и она добавила: — Кажется, я назвала его маленьким мальчиком. — Ее отец фыркнул, несмотря на себя, и попросил ее продолжать. Она отчетливо помнила этот инцидент, но теперь смотрела на него совершенно иначе. События, произошедшие за это время, рисовали совсем другую картину так называемого Мальчика-Который-Выжил... — Я думаю, папа, он говорил правду, — сказала она через некоторое время. — Он не был счастлив находиться там, и он говорил об этом открыто. Он не боялся ни Дамблдора, ни этого ужасного профессора зелий, и я думаю, что они его сильно разозлили. — Продолжайте, — кивнул он. Флер вздохнула, ее эмоции улеглись, когда она сосредоточилась на менее неприятных воспоминаниях. — Я помню, как один мальчик раздавал ужасные значки, — нахмурилась она. — Они были довольно грубыми, но Арри ничего не сказал. Я не понимаю, почему профессора бездействовали. Это было ужасно. — Ее отец склонил голову набок, прислушиваясь, как он часто делал, к тому, что она не говорила. — Что это были за значки? — спросил он, нахмурившись. — На них было написано "Поттер - вонючка", — нахмурилась она. — И еще, что Седрик был "настоящим" чемпионом Огвартса. — Его губы сжались, когда он слушал ее объяснения. — И это был мальчик из Огвартса, который раздавал их? — спросил он с ноткой в голосе. — И профессора ничего не сделали? — Ничего, — подтвердила она. Наступило короткое молчание, когда Флер вспомнила. Несмотря на то, что она была расстроена тем, что Гарри присутствовал в то время, она никогда не обижалась на него, предпочитая верить ему на слово после того, как у нее было время все обдумать. Ее жалость к нему была безгранична. Его осмеяли в собственной школе, на глазах у представителей Босбатона и Дурмстранга. И за что? — пронеслось в ее голове. — За что его так унизили?

<http://tl.rulate.ru/book/91949/2961438>